Текст · 21 января 2019, 10:14
Максим Литаврин,

Дорогая редакция. Обещания невозможного, пытки и вымогательство в деле махачкалинца Юсупа Асадулаева и его семьи

Максим Литаврин рассказывает историю обычной дагестанской семьи: силовики вымогают у предполагаемого участника НВФ (часть 2 статьи 208 УК) 3 млн рублей и *Land Cruiser,* угрожая обвинением по более жесткой редакции этой статьи, которая, впрочем, еще не была принята на момент предполагаемого преступления. Из магазина его сестры без каких-либо формальностей изымают весь товар. Судье, которая отказывается отправить под арест его брата, сжигают машину, а близкий к силовикам сайт шутит про ее «арматурный лифчик».

В конце июля 2016 года бывший начальник смены на Махачкалинском гормолзаводе, торговец подержанными автомобилями Юсуп Асадулаев взял у своей сестры Зухры джип *Toyota Highlander*.
Ему предстояло проехать около 500 километров из Махачкалы в Кисловодск, чтобы отвезти в больницу пожилую мать, которая почти перестала ходить. «Тойота» сестры была удобнее для пассажира и экономнее — в отличие от машины Юсупа, она была переоборудована с бензина на газ.

В ночь с первого на второе августа Асадулаев поехал обратно в Махачкалу уже один: мать осталась в санатории «Луч» под присмотром врачей. Как

вспоминал мужчина позже уже в суде, до города он добрался к утру, примерно в полдень пошел к тестю, чтобы пообедать и помолиться, а после — поехал на встречу с Зухрой, чтобы вернуть ей «тойоту» и забрать свою машину. По дороге к месту встречи — автомойке на проспекте имама Шамиля — его задержали силовики.

«"Приора" нагло и рискованно ехала по встречной полосе, резко встала передо мной, сзади остановилась еще одна машина. В масках с криками выскочили из машин четверо или пятеро человек, сходу и без объяснений причин начали меня избивать резиновыми дубинками. Я не знал, за что меня бьют. Меня вытащили из машины, надели наручники; один из них начал душить меня сзади, другие продолжали бить — по ногам, по телу. Меня быстро затащили и бросили на заднее сиденье "приоры". Я не видел, куда меня везут — меня продолжали бить и приставили к голове пистолет. Мы приехали к какому-то зданию и поднялись на третий этаж», — так Юсуп описывал свое задержание в суде.

Юсуп Асадулаев. Фото: из личного архива Зухры Асадулаевой

Как следует из рассказа Асадулаева, внутри здания его завели в какое-то помещение, повалили на пол и снова принялись избивать — это продолжалось несколько часов, неизвестные сменяли друг друга по мере усталости. Юсуп спрашивал, что происходит, но ему не отвечали; наконец, вспоминал он, ему объявили, что считают его причастным к вооруженному подполью, и стали называть имена, которые он слышал впервые. Задержанный попытался объяснить, что не знает этих людей,

но ему пообещали, что скоро он заговорит сам. После этого, обмотав ноги мужчины скотчем, его перетащили в другое помещение, усадили на прикрученный к полу стул, присоединили к ногам провода и пустили ток.

«Я несколько раз терял сознание. Терпеть это издевательство было невозможно, и я сказал: "Хорошо, я подпишу то, что вы хотите услышать от меня". Кто-то ответил: "Возьмешь на себя оружие", потом начали говорить, что я имею отношение к ваххабитам. Я сказал, что не имею, меня опять жарили — до тех пор, пока я не говорил: "Да, я имею к этому отношение"», — приводится рассказ Асадулаева в стенограмме его выступления в суде, которая есть в распоряжении «Медиазоны».

Наступил вечер — Юсуп понял это, взглянув в окно. В помещении остались двое силовиков; несмотря на то, что задержанный был готов согласиться со всем, что они говорили, издевательства, по его словам, не прекратились — его заставляли то встать, то сесть, продолжали пытать током и бить ногами. Ему говорили: «Будешь делать то, что мы скажем. Тебе никто не поможет — ни судьи, ни прокуроры, ни адвокат, никто другой».

На следующий день, 3 августа, силовики пришли вновь. Они спросили Асадулаева о машине, которую он недавно купил — речь шла о внедорожнике *Toyota Land Cruiser 200*. Сам Юсуп в своих показаниях в суде объяснял: он давно занимается перепродажей подержанных машин, зарабатывая этим на жизнь. Когда он возил мать в Кисловодск, ему позвонил знакомый — полицейский по имени Сабир — и

предложил купить этот джип за 2,1 млн рублей. Цена Юсупу понравилась, но он такой суммой не располагал, поэтому занял деньги у родственников — сестры, брата и жены. Они же встречались с Сабиром, чтобы оформить покупку автомобиля.

Юсуп Асадулаев (второй слева) рядом с внедорожником *Toyota Land Cruiser 200* при проверке показаний на месте. Фото: из материалов дела

Зухра вспоминает, что в первый раз после своего исчезновения брат позвонил родным 3 августа в обед. «Было слышно, что аппарат был на громкой связи и Юсупу подсказывали, что говорить, — рассказывает она. — Брат сказал, чтобы мы отвезли "ленд крузер" на Шамхальский поворот (участок с круговым движением на проспекте Казбекова, расположенный северо-западнее Махачкалы — МЗ) и оставили ее там с документами и ключами. Когда спросили, зачем, телефон отключили. После брат снова перезвонил и сказал, что это ему во благо».

Этот звонок насторожил близких: к тому моменту они уже знали, что Юсуп находится в руках силовиков — об этом семье Асадулаева сообщил служивший в ФСБ дальний родственник Расул Расулов. Он также предупредил, что в дело лучше не вмешиваться, чтобы не навредить, что «нет закона — закон на их стороне», и что все переговоры он берет на себя, так как ни адвокатов, ни родственников к задержанному не пустят. Подумав, Зухра пошла в Следственный комитет — по ее утверждению, она попала на прием к тогдашнему и.о. руководителя третьего отдела по расследованию особо важных дел СК по Дагестану Нурлану Ашурбекову. «Он лично

объяснил, что следствие хотело таким образом без шума и деликатно забрать машину из уважения к Расулову!» — возмущается Зухра.

Тем временем в еще не возбужденном уголовном деле Юсупа появился первый документ — в 14:00 3 августа его допросили как свидетеля. В протоколе указано место составления: служебный кабинет Центра по противодействию экстремизму на проспекте имама Шамиля. Допрос проводил следователь третьего отдела Следственного комитета по фамилии Сафаралиев. «В отношении меня насилия не применялось — психического либо физического. Данные показания я даю абсолютно добровольно, так как меня все равно задержали — значит, кто-то рассказал о том, что я пособничал участникам НВФ, поэтому нет смысла отпираться», — с такого признания начинаются показания Асадулаева.

«Я подписал эти протоколы допроса и признавал вину только из-за того, что больше не хотел терпеть боли от подключения к току, и не было сил, и не было на теле здорового места. Я не выдержал и делал все, что мне говорили следователи и сотрудники ЦПЭ», — объяснял он же в суде.

> «Махачкалинской [диверсионно-террористической] группой» силовики называют подполье боевиков, действующих на территории Дагестана вблизи столицы республики. Считается, что они придерживаются «религиозно-экстремистского течения в исламе». Членов группы обвиняли в

организации взрыва на посту ДПС в Махачкале в мае 2012 года, в организации теракта в автобусе в Волгограде в декабре 2013 года, в причастности к подрыву колонны МВД возле поселка Новый Хушет в марте 2016 года, а также к другим терактам и нападениям на силовиков.

В 2010 году МВД Дагестана насчитывало на территории республики шесть террористических групп: помимо махачкалинской упоминались хасавюртовско-кизилюртовская, гимринская, губденская, балаханинская и южнодагестанская. Согласно оценке министерства, тогда в НВФ на территории Дагестана входили не менее 150 человек — от десяти до 40 в каждой группе.

На протяжении многих лет силовики отчитывались о ликвидации главарей «Махачкалинской группы»; такие сообщения появлялись почти каждый год. Гусейн «Абу Джабир» Тагиров был предпоследним убитым лидером этой НВФ, последним на момент публикации текста был Ильяс Халилов, который за пару месяцев до смерти в марте 2017 года называл себя единственным живым членом группы.

По делу о пособничестве Халилову в октябре 2017 года приговорили к 11 годам колонии жителя Махачкалы Абуталиба Шахруева. По версии следствия, Шахруев несколько раз пускал лидера НВФ переночевать к себе домой. Как и Юсуп Асадулаев, во время процесса Абуталиб рассказал о побоях и пытках током в Центре «Э» и отказался от признательных показаний. «Медиазона» подробно писала о его деле.

В показаниях, подписанных Юсупом, говорится, что он лично знал тогдашнего лидера «Махачкалинской группы» Руслана Дарсамова и двух ее членов, знал, что они находятся в розыске и разделял их радикальные взгляды. В сентябре 2013 года и в феврале 2014 года Юсуп трижды подвозил на своей белой «приоре» Дарсамова и его сообщников. В октябре того же года лидер банды оставил Асадулаеву на хранение черный полиэтиленовый пакет с наличными рублями и евро — в сумме там было около двух миллионов рублей. На эти деньги, говорится в протоколе, задержанный начал бизнес: стал покупать и перепродавать подержанные машины; половину прибыли он отдавал боевику. В декабре 2014 года Дарсамова убили в Махачкале — он начал отстреливаться после того, как полицейские попытались остановить его *Lexus*. Узнав об этом, как указано в протоколе, Юсуп решил оставить деньги себе и купил на них тот самый *Toyota Land Cruiser 200*, который за несколько часов до допроса пытались заполучить оперативники.

В следующий раз Асадулаев, по версии следствия, встретился с членами НВФ в 2016 году — тогда ее возглавлял уже Гусейн Тагиров по прозвищу Абу-Джабир. Он спросил у Юсупа об оставленных на хранение деньгах; тот ответил, что денег сейчас нет и пообещал вернуть всю сумму, когда они появятся. Последняя встреча с подручным Тагирова произошла в июне 2016 года, через месяц боевика застрелили, а еще через месяц задержали самого Юсупа.

Около 17:00 следователь СК Сафаралиев составил рапорт об обнаружении признаков преступления

по части 2 статьи 208 УК (участие в незаконном вооруженном формировании). Через полчаса он же на основании этого рапорта возбудил уголовное дело. Перед вторым допросом — уже в качестве подозреваемого — Асадулаева впервые пустили в туалет и приказали смыть с себя кровь.

Он вспоминает, что почти не мог говорить из-за поврежденной челюсти. В кабинет привели «какого-то молодого парня», которого представили Юсупу как его адвоката. Имени защитника задержанный не запомнил, поскольку «этот парень сидел тупо, как мышь в углу, его жалко было». Допрос, по воспоминаниям Асадулаева, состоял в том, что он и защитник молча и не читая подписывали бумаги, которые им давал следователь.

Показания Асадулаева в качестве подозреваемого полностью повторяют сказанное им ранее. В документе указано, что его интересы представлял назначенный государством защитник Магомед Курбанов.

«Я, кажется, понимаю… это такой здоровый парень?» — в разговоре с корреспондентом «Медиазоны» Курбанов после небольшой паузы все же вспомнил дело Асадулаева. На вопрос о том, заметил ли он в тот день на задержанном следы побоев, адвокат отвечает так: «Возможно, да, я на нем такие повреждения видел… Опять-таки… Проблема в том, что я вас не знаю».

Курбанов говорит, что после допроса встречался с сестрой подозреваемого, но отказывается обсуждать дело Асадулаева по телефону.

«Да, я помню этого адвоката. Он был сильно напуган, назначил мне встречу ночью, сказал, что больше не будет поднимать трубку и не пойдет ни на какие допросы, что брата сильно избили и просто заставляют все подписывать», — вспоминает Зухра. Согласно материалам дела, после этого допроса Курбанов ни в каких следственных действиях не участвовал.

Из здания Центра по противодействию экстремизму Асадулаева повезли в изолятор временного содержания. Здесь его отказались принимать до тех пор, пока он под диктовку оперативника ЦПЭ не написал заявление, что все телесные повреждения получил еще до задержания во время драки. После этого задержанного осмотрел врач и неразборчивым почерком записал в медицинский журнал: «При внешнем осмотре — параорбитальные гематомы обоих глаз коричневого цвета, на обоих запястьях ссадины слева, <нрзб> подреберье, на больших пальцах ноги… [зачеркнуто], на обеих руках в области локтей <нрзб>, дыхание затрудненное, живот мягкий». Медик назначил Юсупу обработку ран перекисью водорода. «Перекисью обработали ноги, сказали — надо тихо лежать и не вставать, и что у меня глубокое сотрясение мозга», — подтверждал в суде Юсуп.

Запись о состоянии Юсупа Асадулаева в медицинском журнале. Фото: из материалов дела

Советский районный суд Махачкалы арестовал подозреваемого 5 августа. Согласно справке из ФСИН, в городское СИЗО-1 он прибыл только 10 числа. Никакой официальной версии того, почему уже

отправленный судом под стражу человек содержался во временном изоляторе больше двух дней, нет. Юсуп объяснял: все эти дни в ИВС его усиленно лечили, так как в СИЗО его бы не приняли с такими травмами. Кроме того, он рассказывал, что его постоянно посещали следователи и оперативники — приносили на подпись исправленные протоколы допроса.

Сколько стоит статья 208 УК в старой редакции

Как вспоминает Зухра, через пару дней после задержания и ареста ее брата родственник-фээсбэшник Расул Расулов сообщил о первых результатах переговоров, которые он обещал провести со следствием.

> Первоначальная редакция статьи 208 УК об участии в НВФ подразумевала до пяти лет лишения свободы без нижнего порога наказания. Затем верхний порог повысили на год, а в 2014 году статью сильно ужесточили — теперь осужденные по ней приговаривались к срокам от пяти до 10 лет. В действующей с 20 июля 2016 года редакции указаны сроки от восьми до 15 лет.
>
> Согласно статье 9 УК, следствие и суд обязаны применять ту редакцию закона, которая действовала на момент совершения преступления, поэтому неясно, как силовики собирались выполнять свои обещания.

«Он сказал, что поговорил с "конторовскими", и что за шесть миллионов рублей Юсупу сделают старую редакцию [статьи 208 УК], — утверждает собеседница "Медиазоны". — Еще он сказал, что надо сделать схрон оружия, и чтобы мой брат указал на него, что это якобы его — и это тоже за отдельную плату в 500 тысяч. И главное — чтобы он не отказывался от своих показаний». По словам Зухры, семья сразу же передала Расулову 1,5 млн рублей; он посоветовал собирать оставшуюся сумму побыстрее.

«Он передал: брата твоего пальцем никто не трогал, он сам во всем сознался, и по нему есть все доказательства — видео, аудио, все материалы. Я спросила: "Ты сам все это видел?". Он ответил: "Да"», — возмущается сестра Юсупа.

Как отмечает адвокат Аида Касимова, которая сейчас представляет интересы Зухры и ее близких, основное доказательство в деле — признательные показания самого Юсупа, ни о каких видео- и аудиофайлах в деле она не знает.

Пока семья собирала деньги, самого Асадулаева наконец перевели в СИЗО. Он не выздоровел полностью и спустя неделю после задержания: при поступлении в изолятор, как следует из документов, под правым глазом у него по-прежнему оставалась гематома размером 4x2 см. Присмотревшись, этот синяк можно различить на фотографиях подозреваемого, сделанных следствием 7 августа при проверке его показаний на месте. На снимках усталый и побитый мужчина показывает на внедорожники *Land Cruiser* и *Highlander* — их все же признали

доказательствами, изъяли и отвезли на стоянку ЦПЭ — и на подъезд своего дома, где он якобы укрывал боевиков.

Юсуп Асадулаев (крайний справа) с гематомой размером под глазом. Фото: из материалов дела

«На проверке показаний я не мог стоять, меня рвало, я не мог разговаривать. Меня поднимали на ноги на несколько минут, ставили рядом с адвокатом и оперативниками, фотографировали и заставляли поднимать руку», — вспоминал позже Юсуп.

2 сентября Асадулаеву предъявили обвинение, и он подписал соглашение с адвокатом Селимом Магомедовым. Зухра утверждает, что услуги этого защитника брату навязал Расулов — говорил, что силовики не потерпят другого адвоката, а если семья будет несогласна, то в отношении Юсупа возбудят еще и дело о терроризме. О таких же угрозах — но уже со стороны следователя — говорил и сам обвиняемый. Защитником семья осталась недовольна — Асадулаева говорит, что он фактически ничего не делал, а лишь запугивал их и на пару с родственником-силовиком вымогал деньги. Их новые требования, как объясняет Зухра, были таковы: 3 млн рублей — и дело направят в суд без уточнения редакции статьи 208 УК, а также вернут семье *Land Cruiser*. «Мы согласились, так как были в отчаянии. Смогли собрать только полтора миллиона, передали их, ждали, что нам вернут машины — хотели их продать и внести оставшуюся сумму. Но нас обманули», — говорит Зухра.

Асадулаева рассказывает, что в конце марта 2017 года пришла в кабинет к следователю СК Камилю

Закаеву, чтобы узнать у него, почему следствие взяло деньги, но не сделало ничего, что обещало. Тайно она записала этот разговор; запись есть в распоряжении «Медиазоны». На ней слышно, как Зухра беседует с мужчиной по имени Камиль; судя по обстановке, диалог действительно происходит в служебном кабинете следователя — в один из моментов Камиль прерывает беседу, отвечает на телефонный звонок и диктует собеседнику после недолгой паузы: «Первый отдел по расследованию особо важных дел СУ СК по РД». Чуть позже в кабинет со стуком заходит человек, который уточняет дату, связанную с другим уголовным делом.

Собеседники обсуждают ситуацию, в которой оказался Юсуп. Зухра сетует на то, что «задачи частично решены, частично не решены, но ни с кем не собираемся отношения портить». Камиль отвечает: отношения уже испорчены из-за неопределенной позиции адвоката Селима Магомедова, а сам собеседник Зухры нажил себе проблемы, так как «обращался к определенным людям». «Пойдите нам навстречу, мы же не отказываемся ни от чего», — просит его Зухра. Затем мужской и женский голоса долго обсуждают судьбу изъятых джипов и редакцию статьи; иногда Камиль переходит на шепот, и его слова разобрать невозможно.

External embed

https://api.soundcloud.com/tracks/562004043?secret_token=s-IbO7I

— В любом случае, Камиль, мы в долгу не останемся, я хочу тебя заверить в этом. Завтра день есть, мы в любом случае от своих слов тоже... [мы] не те люди, которые разбрасываются словами, — говорит

Зухра в завершение долгого, но не слишком внятного обсуждения.

— Я понял, — отвечает собеседник.

Затем Зухра еще раз говорит, что не останется в долгу:

— Я вам благодарна в любом случае за помощь, потому что эта помощь не оценивается таким образом. В любом случае, Аллах поможет вам во всех начинаниях. Но мы в любом случае в долгу не останемся, завтра день тоже есть.

Вскоре запись обрывается. Как объясняет Асадулаева, фраза «не останемся в долгу» означает именно взятку, которую вымогали силовики. Впрочем, этот разговор, по ее словам, ни к чему не привел — дело было передано в суд с квалификацией обвинения по самой жесткой последней редакции статьи.

16 февраля 2018 года Советский районный суд Махачкалы приговорил Юсупа Асадулаева к восьми годам колонии строгого режима. Приговор устоял в апелляции, кассационную жалобу также отклонили, хотя в ее поддержку на заседании выступил прокурор. По утверждению Зухры, к председателю Верховного суда Дагестана Сергею Суворову приходили оперативники Центра «Э» и просили оставить решение нижестоящей инстанции без изменений.

Сожженная машина судьи Махатиловой

После задержания Юсупа родственники предполагали, что опасность может грозить и его брату, 41-летнему предпринимателю Али Исаеву — об этом предупреждал Расулов. Исаев даже жил на даче у друга, но вскоре вернулся — семья сочла, что уголовного дела все же не будет. Кроме того, оперативники ЦПЭ в рамках расследования дела Юсупа Асадулаева проверяли причастность к НВФ его родственников; в справке от 7 октября 2016 года (есть в распоряжении «Медиазоны») сказано, что «среди родственников Асадулаева лиц, причастным к незаконным вооруженным формированиям, не установлено».

Али Исаев. Фото: из личного архива Зухры Асадулаевой

Несмотря на это, почти через год после задержания Юсупа, 22 июня 2017 года, в отделение Центра «Э» на имама Шамиля попал и Али. Оперативники схватили его во время стрижки; то, как трое сотрудников залетают в парикмахерскую, вытаскивают мужчину из кресла, надевают ему на голову мешок и выводят, попало на видео — хотя, как говорит Зухра, после случившегося силовики попытались изъять записи с камер в салоне.

За две недели до задержания Али оперативники управления по борьбе с коррупцией и экономическими преступлениями пришли в магазин парфюмерии *Golden Oud* — им владеет Зухра со своей семьей. Как утверждает предпринимательница, не представляясь и не показывая никаких удостоверений, они стали изымать товар — склянки с духами и сосуды с концентратами и маслами. Никаких документов об изъятии они не составляли.

Изъятие товара из магазина. Фото: из личного архива Зухры Асадулаевой

«Между собой они переговаривались, говорили, что Расулов поставил нас на счетчик, что у них развязаны руки, и что придут за Али», — вспоминает владелица магазина.

External embed

https://api.soundcloud.com/tracks/562019481?secret_token=s-DXPzZ

Исаев дал признательные показания о своем участии в НВФ в день задержания. «Он все сразу понял и просил: только не пытайте, я все подпишу так. У него слабое здоровье: гепатит, инвалид по зрению — нет одного глаза. Его все равно продержали весь день в наручниках и били током, пропускали через пальцы рук и ног», — говорит Зухра.

Позже в суде Али рассказывал, что пережил то же самое, что и брат: его сперва били током, затем — доставили к следователю, где он не читая подписал заранее распечатанные протоколы. После допросов его отвезли в тот же махачкалинский ИВС, где в 18:35 его осмотрел фельдшер и сделал в журнале такую пометку: «При внешнем осмотре [обнаружены] на пальцах ног и рук следы точечных кровоизлияний».

Запись о состоянии Али Исаева в медицинском журнале. Фото: из материалов дела

В протоколах, подписанных Исаевым в тот день, содержится его признание: разделял идеи и ценности «Махачкалинской группы», а также пускал к себе переночевать ее участников — своего брата Юсупа и других.

27 июня в Советском районном суде Махачкалы судья Патимат Махатилова рассматривала ходатайство СК об аресте Исаева. Неожиданно для всех оно было отклонено, а сам Али отпущен на свободу. В своем решении судья сослалась на слова самого подозреваемого о пытках, на его отказ от признательных показаний и на то, что сторона обвинения не представила никаких доказательств, кроме самого протокола допроса и письма начальника ЦПЭ.

Через три дня после этого заседания неизвестные сожгли машину Махатиловой. Асадулаева считает, что это сделали сотрудники Центра «Э» — в отместку за то, что судья отказалась арестовывать Али. По словам предпринимательницы, сотрудники хвастались этим на одном из судебных заседаний;

говорили, что сделали судье даже лучше, так как теперь она ездит на «бронированной машине».

External embed

https://api.soundcloud.com/tracks/562024800?secret_token=s-rYNdj

Поджог машины судьи Махатиловой упоминается на сайте «Оперативная линия» в тексте об освобождении из-под стражи Исаева. Автор публикаций на сайте, судя по всему, имеет источники в среде дагестанских силовиков — на нем регулярно выкладывают информацию о застреленных боевиках, фотографии их тел, документов и материалов дела. Судя по поиску этих изображений в *Google*, сайт всегда выступает их первоисточником. «Войны, конфликты, антитеррор. Здравомыслие без догматов», — так описан проект «Оперативная линия» в его телеграм-канале.

Материал, о котором идет речь, называется «Парфюмерный гуманизм»; он опубликован 22 июля. В нем решение судьи не заключать Исаева под стражу подвергается резкой критике. Автор пишет, что Махатилова авансом получила за это 2,5 млн рублей; еще столько же ей якобы пообещали заплатить после. Текст написан весьма ехидно — в нем, например, встречаются такие неологизмы, как «*cash*-гуманизм», «вахабандосы», «арматурный лифчик» и «братки-бандбизнесмены».

В разговоре с корреспондентом «Медиазоны» автор заметок на сайте «Оперативная линия» представился полковником запаса Паюсовым Андреем Николаевичем. РБК в своих публикациях называло его военным экспертом и брало у

него комментарии, касающиеся военной операции России в Сирии.

Паюсов подтвердил, что написал статью «Парфюмерный гуманизм». На вопрос о том, есть ли у него источники в дагестанском Центре «Э», публицист ответил: «Об источниках тактично промолчим». «Потому что это оперативная информация», — отрезал Паюсов, когда корреспондент «Медиазоны» попытался узнать, откуда появилась информация о переданной судье Махатиловой взятке, и что означает использованная в заметке фраза «злые языки говорят».

Паюсов также сообщил, что ранее создал и администрировал ныне заблокированный сайт «Кавказпресс». Погибший в ЦАР журналист Орхан Джемаль писал, что этот сайт был связан с дагестанскими силовиками.

По версии «Оперативной линии», братья Исаев и Асадулаев начали свой бизнес на деньги «Махачкалинской группы», а именно — на средства, полученную членами банды в качестве выкупа за освобождение «Мамасика», сына директора махачкалинской автостанции «Южная» Магомеда «Рабиновича» Расулова. Как писал Паюсов, похитители грозили, что Мамасику «придет капец в самом некомфортном его виде», а также «для вящей убедительности … даже пальнули по дому Рабиновича из гранатомета».

«Однако и для судьи найдется суд. Не Божий, так человеческий. *P.S.* Любопытно, что кто-то недавно сжег машину Махатиловой, хотя мстить судье — все равно, что мстить Уголовному или Уголовно-процессуальному Кодексу, яростно разрывая книжки в мелкие клочки. Правда, это справедливо лишь тогда, когда судья выступает их честным применителем. Однако Махатилова не слишком обеспокоилась этим происшествием — мол, все равно она, машина, была уже с достаточным пробегом, и некий поджигатель лишь избавил от ненужных хлопот по избавлению от нее», — так завершается статья на *operline.ru*. Следом за этим абзацем приводится фотография оперативной сводки МВД, в которой говорится о поджоге автомобиля и проведенных по этому факту следственных действиях.

25 сентября 2017 года Исаева все же заключил под стражу судья того же суда Эльдар Атаев. Это произошло с четвертой попытки: следующий после Махатиловой судья тоже не захотел помещать подозреваемого в СИЗО; третий — посоветовал адвокату заявить ходатайство об отводе судьи и принял его.

Следствие продлилось сравнительно недолго: уже 9 апреля 2018 года судья Кировского районного суда Магомед Нестуров полностью оправдал подсудимого и освободил его из-под стражи. Прокуратура обжаловала приговор в ВС республики, и в июле дело направили на новое рассмотрение, которое продолжается до сих пор. Мера пресечения Исаеву не избрана.

Зухра сейчас ждет решений по ее многочисленным жалобам и обращениям — по поводу изъятия товара и вымогательства со стороны сотрудников ФСБ и СК. По ее подсчетам, действия силовиков нанесли ее семье ущерб более чем на 50 млн рублей. К делу также присоединился «Комитет против пыток»: юристы правозащитной организации написали заявление в СК с требованием возбудить уголовное дело о превышении полномочий с применением насилия (часть 3 статьи 286 УК) против сотрудников, пытавших Али Исаева.

Редактор: Дмитрий Ткачев